

Н.К. Рерих. Ушкуйник «Гей сарыч на кичку». 1894.

«Редакция журнала “Звезда” приобрела у меня эскизец «Ушкуйник» и просила ещё доставить...»

(Из письма Н.К. Рериха к Антокольскому Л.М.)

АВГУСТ

Письмо Г.М. Бобровского к Рериху Н.К.

1894 г. Августа 17-го.

Дорогой коллега Николай Константинович!

Благодарю за письмо и за память, и извиняюсь, что по стечению некоторых неблагоприятных случайностей, не смог написать Вам раньше. Не буду входить в объяснения этих случайностей, потому что полагаю, это не прибавит делу ничего. Скажу только в своё объяснение, что я человек не особенно подвижной в смысле начинаний, и своё обещание, в скобках сказать, уже считал до некоторой степени невыполнимым; Ваше же письмо, как грозное *momento mori*, напомнило мне всё.

Хотелось бы написать Вам что-либо поинтересней, но желание моё напрасно – здесь в глуши мало чего найдётся интересного.

Если Вы пишете, что сделали слишком мало за каникулы, то я про себя не хотел бы и говорить, потому что, к стыду своему, должен сознаться, что не сделал ещё ровно ничего.

Начало каникул провёл в разъездах, отчасти нужных, отчасти и не нужных; средину - в занятиях (у меня был заказ на несколько икон), а в настоящее время не делаю ничего, т.е. ничего не рисую; кое-что почитываю, да погуливаю и, вообще, стараюсь поправиться здоровьем, если это выражение окажется точным. Впрочем, оно и правильно, потому что первое расстройство, над которым я так недавно ещё смеялся, в эти каникулы заставило меня даже обратиться к доктору.

Как видите коллега, положение моё печально, и я даже завидую отчасти перечню Ваших работ. Не скажу, чтобы Вы сделали очень много, но мы в руках обстоятельств – я не сделал ничего.

Ваше известие о картине Пояркова заинтересовало и меня. Говоря вообще, на Репина мы привыкли смотреть всё-таки как на что-то большое, если не восхищаться, то нужно ожидать чего-либо порядочного.

Не знаю, может быть, случится что-нибудь похожее на мышь или крысу, потому что от Академистов я слышал о Пояркове совсем будничное мнение и Репин его на своём восхищении не слишком вынесет, хотя, с другой стороны, и по Академии трудно судить.

На днях написал письмо в Академию: не знаю, когда начнутся в гипсо-фигурном классе занятия – может быть, ещё скоро увидимся, - сентябрь уже на носу.

Жму Вашу руку и остаюсь готовым к Вашим услугам

Г. Бобровский

Поречье

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/629, 2 л.

СЕНТЯБРЬ

О РЕФОРМЕ В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ 1894 г.

Из воспоминаний И.Э. Грабаря:

В сентябре 1894 года я съездил на короткое время к своим, в Измаил, откуда в последних числах месяца поехал в Петербург поступать в реформированную заново Академию художеств. Приёмные экзамены были назначены на октябрь. Не скрою, что я ехал не без тайного трепета. Ходили слухи, что экзамены предстоят суровые, и у меня не было уверенности, что мне удастся поступить <...>

Как была произведена реформа Академии, кто участвовал в разработке нового устава и что он представлял собой в обновлённом виде, этого никто из нас не знал. Говорили только, что главными действующими лицами были Репин и Куинджи. Подробности обо всём этом я узнал только значительно позднее, пополнив их особенно во время моих архивных работ над монографией Репина.

Устраивая в ноябре 1891 года свою персональную - вместе с И.И. Шишкиным - выставку в залах Академии художеств, Репин очень сблизился с тогдашним конференц-секретарём графом И.И. Толстым. Сближению этому способствовал их общий друг, византист, академик Н.П. Кондаков. Толстой носился в то время с планом реформы Академии, которого не разделял её вице-президент граф А.А. Бобринский, почему весь проект реформы был разработан им в полуконспиративной обстановке, совместно с Кондаковым, Репиным и Куинджи.

Реформа заключалась в коренной переработке устава Академии и полном обновлении состава профессоров. Главный удар был направлен на систему академических программ, против которых в 1863 году вспыхнул известный бунт тринадцати конкурентов. Первоначально предполагали вовсе отказаться от программ на заграничные поездки, но, в конце концов, их удержали, предоставив лишь свободу выбора тем. Академия превращалась в высшее художественное установление, ведающее всей государственной политикой в области изобразительного искусства. Её роль в искусстве должна была быть аналогичной роли Академии наук в научной области.

При этой Академии учреждалось Высшее художественное училище. Звание академика сохранялось, звание профессора упразднялось в своём прежнем значении титула за заслуги и сохранялось только для преподавателей училища. Был составлен список новых академиков, в который вошли все видные передвижники, не имевшие ещё этого звания. Старые профессора подлежали увольнению "с пенсией и мундиром", кроме П.П. Чистякова, и предполагалось пригласить новых лиц, также из числа передвижников. Были намечены: Репин, Суриков, В. Васнецов, Поленов, Прянишников, Владимир Маковский, Куинджи, Шишкин, Киселёв, лошадиник и баталист Ковалевский; кроме того скульпторы Беклемишев и Залеманн, гравёр Матэ.

Суриков, Васнецов, Поленов и Прянишников категорически отказались переехать из Москвы в Петербург, почему их кандидатуры отпали, все же остальные были назначены профессорами и получили в Академии казённые квартиры и личные мастерские.

Преподавание делилось на низшее и высшее. Первое сводилось к двум академическим классам - головному и натурному, второе - к специальным мастерским, успешное окончание которых завершалось писанием программной картины на собственную тему и, в случае удачи, поездкой за границу на три года. Гипсовые классы - головной и фигурный - были уничтожены; рисовали и писали только с живых натурщиков. Весь день писали, вечером рисовали.

Система медалей была упразднена; ставились только категории за рисунки и этюды; получившие лучшие из них переводились из головного в натурный, из натурального в мастерские профессор-руководителей. Никакими сроками эти переводы связаны не были, и можно было окончить Академию в шесть-семь лет и в два года.

Кроме работ с натуры подавались и эскизы на собственные темы, за которые также ставились категории. Удачные эскизы имели немаловажное значение при переводах. Наряду с этими занятиями по практике рисунка и живописи в программу были включены и курсы по истории искусства, по перспективе, анатомии и т. п.»

И. Э. Грабарь «Моя жизнь»

О СОЗДАНИИ КРУЖКА НАЧИНАЮЩИХ ХУДОЖНИКОВ ДЛЯ ВЗАИМНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ

«Теперь о кружке. Спасибо, что разделяешь мои мысли. Помоги мне выполнять, давай выполним эту задачу. Только тут необходим строжайший выбор. Люди все должны быть честные, хорошие, добрые. Должны быть далеки от зависти, этого разлагающего элемента. Чтобы в этом кружке было поменьше грязи, ведь и без того чересчур много подлости и грязи кругом. Числом не более 10, и десяток-то дай Бог набрать подходящих людей. Будем помогать друг другу развиваться, образовываться, расширять кругозор – что невозможно одному, то возможно многим. Художнику должны быть просто все специальности известны, должны быть известны стремления общественные.

Трудную, брат, дорогу мы выбрали, но всё же я предпочту быть средним художником, нежели специалистом по другим многим областям. Всё же его занятия чище, лучше, всё же искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей, тогда как многое другое порождено низшими, а то и животными стремлениями. Ведь лучше служить тяжёлым трудом, но делу хорошему, нежели несимпатичному. А кружок чем важен? Художнику больше, нежели всякому другому, приходится испытывать разочарования и также увлекаться. Кружок же добрых честных товарищей может наставить увлекающегося на пути истинные, может поддержать упавшего духом...»

(Из письма Н.К. Рериха к Антокольскому Л.М. от 8 июля 1894 г.)

8 Сентября 1894 г.

УСТАВ КРУЖКА НАЧИНАЮЩИХ ХУДОЖНИКОВ ДЛЯ ВЗАИМНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ.

II... Вперёд... Вперёд без оглядки!!!

(Крамской)

I. "Один в поле не воин"

§ 1 Цель кружка - пополнять образование общее и поднять уровень общего и худ-го.

§ 2 художественное. § 2. Общее образование пополняется чтением книг по 1) философии; 2) истории; 3) естествознанию; 4) психологии 5) остальн.; 6) беллетристики; 7) Литература.

Чтение происходит совместное или же, для успешности занятий, между членами распределяются книги для составления рефератов, которые и читаются в собрании.

§ 3 Художественное образование пополняется сочинением эскизов на всевозможные темы. Эскизы представляются на собрании, где и обсуждаются.

§ 4 Число членов кружка неограниченно. Члены – начинающие академики по различным избр. специальностям искусства.

§ 5. Из числа членов выбирается закрыт. баллотировкою старшина и секретарь кружка на академический год.

§ 6. Председательство предлагается для каждого отдела ~~не~~ одному лицу кому-нибудь известному на данном поприще.

§ 7. На обязанности председателя по отделу общего образования лежит наметить членам список книг и руководить занятиями и рефератами.

§ 8. На обязанности председателя специального (художественного) отдела лежит обсуждение композиций и общие замечания по композиции.

§ 9. В случае отсутствия [или по болезни] председателя по общему отделу с его разрешения (по его указаниям) старшина кружка, занятия собрания происходят под руководством старшины, в случае отсутствия председателя специального отдела место его заменяет общее постановление собрания.

§ 10. [Старшины сносятся - с председателями, доставая для чтения собрания (если нужно) книг из библиотек... На старшине лежит ответственность занятия кружка и ему же предоставляется право от имени всего кружка сноситься с лицами и учреждениями, интересующимися кружком, о чём он обязан докладывать на ближайшем собрании.]

§ (10) 11. На секретаре лежит ведение книги кружка, вношение отчётов каждого собрания и помощь старшине кружка, буде такая понадобится.

§ 12. Собрание считается состоявшимся при присутствии председателя или старшины, секретаря и не менее третьей части членов.

§ 13. На случай ~~своего~~ отсутствия секретарь и старшина может передать свои обязанности [2-му из членов кружка].

[§ 14. До приискания специального помещения собрания происходят на квартире членов по соглашению].

§ 15. Если на расходы (плата за помещение, в библиотеку, за кружковые книги и др.) может быть установлен членский взнос не свыше 10 рублей ежегодно. Член явно не подчинившийся постановлению собрания должен быть

исключён из числа членов кружка. [Лицо трижды избиравшееся в старшины не подлежит удалению].

§18. Новый член принимается не иначе как за поручительством не менее 2-х действительных членов.

[Далее текст написан рукой Антокольского:]

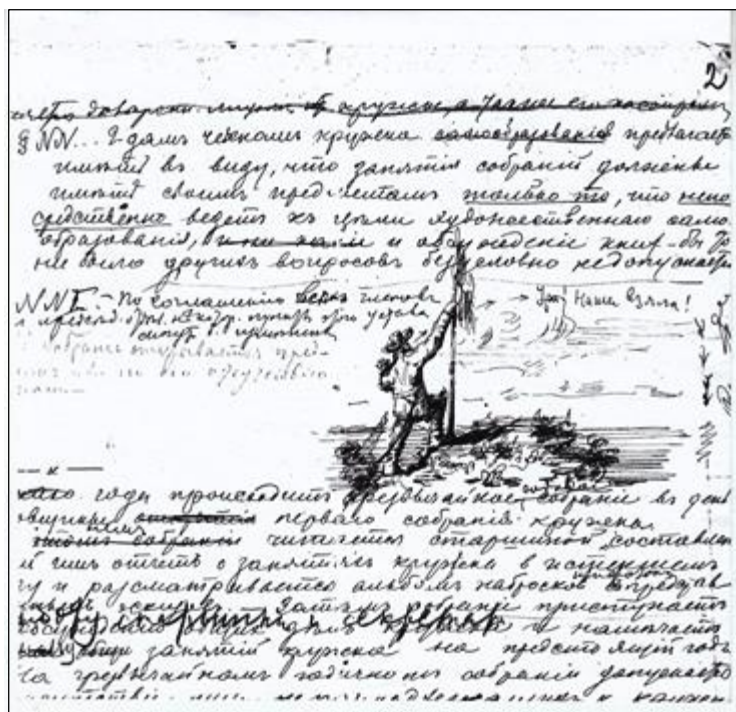
§ 19. Результаты каждого собрания вносятся в виде протокола (отчёта) в особую книгу, (секретаря), в которую вносятся, в виде набросков (или фотограф.) копии с представленных на собрании эскизов, исполненных их авторами, или по их поручению.

§ 20. Всем без исключения членам кружка вменяется в неприменную обязанность представление к каждому собранию по настроению одного эскиза по своей отрасли, исполненного каким-угодно способом в возможно более законченном виде. При этом желательно было бы, чтобы авторы эскизов не совещались о них между собою до собрания кружка, на котором эти эскизы имеют быть представлены.

§ 21. Члены кружка собираются в первые воскресные дни после 15 числа ежемесячно. Один же раз в течение академического учебного года (Октябрь - Апрель)

§ 22. Членам кружка самообразования предлагается иметь в виду, что занятия собраний должны иметь своим предметом только то, что непосредственно ведёт к цели художественного самообразования, и никакое обсуждение каких бы то ни было других вопросов безусловно не допускается.

§ 21. По соглашению всех членов и председ[ателя] некотор. пункты этого устава могут б. изменены.

Фрагмент рукописи. Рисунок пером с надписью: "Ура! Наша взяла!"

[Добавлено карандашом]:

[§ 13] Собрание открывается председателем, или, по его отсутствию, старшиною. ____ " ____ ____ года происходит чрезвычайное годовое собрание в день годовщины первого собрания кружка. На нём читается старшиной составленный им отчёт о занятиях кружка в истекшем году и рассматривается альбом набросков или фотографий представленных эскизов. - Затем собрание приступает к выбору старшины и секретаря, к обсуждению общих дел кружка, и намечает программу занятий кружка на предстоящий год.

На чрезвычайном годичном собрании допускается присутствие лиц, не принадлежащих к кружку, само собою разумеется, по приглашению членов.

[19] § 22. Годичный отчёт о занятиях кружка вместе с альбомом набросков или фотографий представляется господину Вице-Президенту Императорской Академии Художеств [графа Ив. Ив. Толстого, на его рассмотрение]

[§ 23. Занятия кружка продолжаются с 1-го октября до 15 апреля, то есть все время занятий в Императ. Академии Худ. (В Высшем Худож. Училище).]

За время же летних и зимних каникул предоставляется членам переписываться между собою по интересующим их предметам, а также со старшиною и даже председателем, таковая переписка приобщается к сборнику разовых отчётов каждого собрания.

Инициаторы *[По почину]*

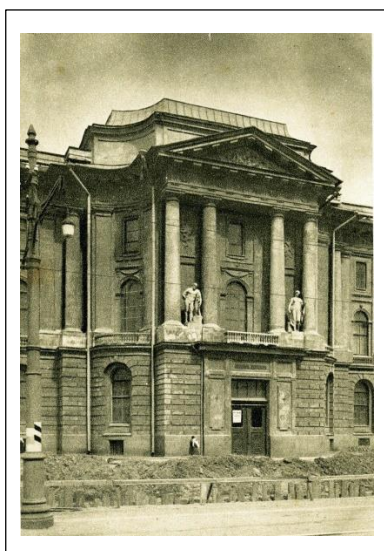
Ученик Высшего Художественного Училища
(подпись) Лев Антокольский

Вольнослуш. Высш. Художеств. Училища.
Студ. СПб-ск. Унив.

(подпись) Николай Рерих

СПетербург. Сентября 8 дня 1894 года.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/57, 2 л.

С. Петербург. Императорская Академия художеств. Главный вход
(Фотография начала 20 в.)

СПИСОК ЧЛЕНОВ КРУЖКА САМООБРАЗОВАНИЯ И САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
[1894 г.]

**Подписи лиц, выразивших своё желание вступить в число членов
Кружка Самообразования и Самоусовершенствования**

Старшина: 1. Николай Константинович *Рерих*. Студент Универ[ситета]. Вольнослушающий Имп. Академии Художеств. (Историческая живопись). Адрес Васильевский Остров, Университетская набережная, Дом № 25 кв. 8.

Секретарь: 2. Леон Моисевич *Антокольский*. Ученик высшего Художественного Училища (Историческая живопись). Адрес: Васильевск. остр. Средн. пр. д. 49. кв. 24.

Члены: 3. Степан Федорович *Чуприненко*, ученик высшего Художественного Училища (Жанр). Адрес: В.О. 11-я линия д. № 48 кв. 2.

4. ~~Артемий Иванович *Горохов*, ученик Рисовальной Школы Одесского Общества Изящных Искусств (держит экзамен в С. Петербургскую Императорскую Академию Художеств. (архитектура). Адрес: В.О. 9 линия, дом № 16, кв. № 21.~~

5. Владимир Николаевич *Федорович*, ученик Школы Общества Поощрения Художеств (держит экзамен в Академ.). Адрес: Вас. Остр. 11 лин. д. 48, кв. 2. (пейзаж)

6. Владимир Александрович *Фролов*, вольнослушающий Императорской Академии Художеств (пейзаж) В.О. 5 лин. д. 22 кв. 3.

7. Александр Васильевич *Скалон*. Студент И.СПб. Университета (Жанр) Адрес Коллегия И. Александра III в Филологическом переулке (близ Университета)

8. Самуил Исаакович *Данишевский*, ученик Рисовальной Школы Имп. Общ[ества] Поощр. Худож[еств] (жанр) Адрес: Вас. Остр. 14 лин. д. 57 кв. 8.

9. Григорий Михайлович *Бобровский*, академист Имперской Академии Художеств (исторический жанр). Вас. Остр. 10 л. д. 39 кв. 35.

10. Николай Михайлович *Фокин*, академист императорской Академии Художеств (жанр). Гавань, Угол Среднего просп. и <Карташихиной.> ул. Д. № 5; кв. 2.

Подписи:

[Тихомиров]

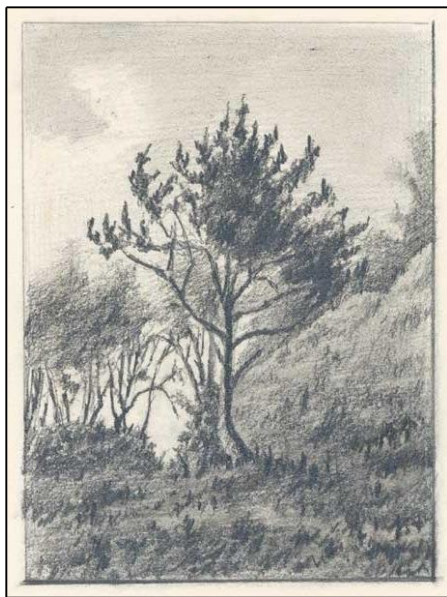
[Гейне]

[Фёдоров]

[Шмарович]

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1276, 1 л.

[10 сентября 1894 г.]

Н.К. Рерих. Около Собачьей горы в Сосницах.
9 июня в 3 часа дня. 1894 г.

Заявление Н.К. Рериха в Императорскую Археологическую комиссию

Возвращая при сём открытый лист и прочие бумаги, имею честь заявить, что исследовал 3 кургана около **деревни Сосницы**, в которых под слоем земли и камней в $\frac{3}{4}$ арш. оказался слой золы и угли (предметы не сохранились). Затем исследовал место, описанное в моей просьбе о выдаче листа под именем "Серебряный ручей". Около речки Хмеленки был курган в 1 саж. высоты; крестьяне соседних деревень занялись раскопкой его, но ключи, открывшиеся при раскопке, прекратили их работу. Когда меня привели к этому месту, я нашёл яму глубиною в 2 человеческих роста и диаметром около 3 саж., наполненную водою. Откачав насколько можно воду, я принялся исследовать дно и, опуская железный стержень в довольно мягкую землю, между прочим среди камне ощупал какое-то дерево. Вода из ключей постоянно прибывала, и рабочим приходилось работать почти по пояс в воде. Откачивая воду и заглушая ключи, наконец добыли ощупанное мной дерево, которое оказалось доской длиною 2 арш., шириною в $\frac{1}{2}$ арш., а толщиною около 2 дюймов. Доска была не пиленая, а отколотая, с одного конца толще, чем с другого. Между тем открыли новые ключи, и вода с такой быстротою начала прибывать, что работу пришлось оставить, тем более, что на дне кроме камня ничего нельзя было ощупать. Но как попала туда доска, притом такая широкая, — я объяснить никак не мог.

Заняться исследованием других намеченных интересных мест мне помешало весьма дождливое лето и половодье.

*Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН, СПб.,
ф. 1. № 74/1894, лл. 6,7. (Заявление заслушано в ИАК 10 сентября 1894 г.)
(Публикуется по изд.: Петербургский Рериховский сборник, II-III. Самара. 1999.)*

13 сентября 1894 г. Сосницкая волость, С.-Петербургская губерния
Письмо лесника Ильи Агафонова к Рериху Н.К.

Николай Константинович,
имею честь уведомить вас, что на нашей Сосницкой земле охоту производить можно только с дозволения общества. Общество наверное дозволит, но только придётся поставить ½ ведра водки на угощение общества. На общественной земле зайцев среднее число, вальдшнепов много и частью белых куропаток, тетерева тоже есть, но только на чучела летят плохо, потому что не видно, много ещё листа на деревьях. Если вам будет угодно приехать на охоту, тогда приезжайте, только что в хорошую погоду, до свидания. Всегда готов услугам вашим Казённый Лесник Илья Агафонов.

Николай Константинович, вы мне просили написать Адрес нашего мужика. у которого книжка, про которую я вам говорил.

То Адрес его: Литейный проспект, дом № 40, квартира № 56. Сергею Яковлеву.

Автограф. МСССМ. ф. Н.К. Рериха.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник, II – III. Самара. 1999.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ДНЕВНИК Н. РЕРИХА.

*Тетрадь в синей обложке с надписью:
27/IX 94 – 27/VIII 95. СПб.*

[27 сентября 1894]*[Первые страницы отсутствуют]*

...поступил (при этом насколько умеет, успокаивает меня). Я бегу и сообщаю эту новость товарищам – они не верят и говорят, что если я провалился, то они подавно, а сами в душе должно быть радуются. Мимо нас проходят профессора, мы входим в скульптурный музей, где выставлены рисунки. Господи, с каким трепетом иду по ряду, зная, что не принят. Вдруг недалеко от начала вижу «Рерих Николай» - «принято», и каракули заменяющие подпись Петра Мих. Там же – принят...

[далее оторвана половина листа]

...занять место. Дежурит Пожалостин (сущий сапожник). Как человек не развращённый, я думаю, что профессора следует беспрекословно слушаться, и вопреки моим глазам, затираю подробности и порчу рисунок, выходит № 69. За Плач Ярославны I кат. -Удача в эскизе Кучеренко и моя подзадоривает товарищей, но многие терпят фиаско.

Следующая голова Геры (я сажу в плафоне). Перехожу в фигурный класс. В Феврале...

...рисунок № 28

... Псковича

[далее оторвана половина листа]

... на много укоротит мою жизнь. Шпергазе говорит: как упала Академия если такие пошлецы и бездарности, как Рерих, получают туда доступ. И всё это говорится, не зная ни одного моего рисунка. Василий Александрович сух и лишь

этим летом сознаётся, что никак не ожидал от меня таких успехов, что весьма боялся за меня, когда я поступил в два заведения, а в конце концов сказал (на мои слова, что и Скалон также, когда кончит гимназию, поступит как я); что из того, что я успеваю всё делать и распределять время ещё не значит, что Скалон может предпринять такую же программу, как я. Потом, когда у него на вечере мои бывшие коллеги опять стали поминать меня добром, он сказал, что помимо остального, у меня уже есть большое преимущество перед многими художниками, это образованность и знание многого такого, что другие не знают. Господи, помоги оправдать его слова. В глубине души сознаю, что не заслужил такого отзыва, кроме разве по Русской истории. Но может быть наш кружок поможет мне оправдать его слова.

Третьего дня вернулся с охоты. Погода была хорошая, но охота плохая. Впрочем, ходили, стреляли, а больше мне ничего и не надо. Не в добыче дело. Из-за этого всегда спорим со Скалоном. Вчера видал Бруни, он говорит, что теперь масса дела, что советы бывают даже по 2 раза в день, и что с кружком надо повременить. Сегодня иду к нему, за рисунками. Бруни принял довольно холодно, дал указания относительно рисунков. Жене его рисунки понравились. Псковича опять буду переделывать, надо нарисовать ухо и отдалить стену. Насчёт живописи Бруни сказал, что тоны грязноваты и робки. Неужели мне краски не дадутся? Аж, холодно стало от этой мысли. Ну, тогда налягу на композицию: благо она налаживается. Что-то готовит 12-е Октября т.е. начало занятий.

28 сентября 1894 г.

28/IX. 26 были товарищи. Что за славный, задушевный народ. Дай-то Бог чтобы нам привелось соединиться в предполагаемом кружке. С Чуприненко перешёл на Ты. Один Горохов производит неприятное впечатление, может быть это только сначала.

Завтра кончу Псковича (окончательно, а то я его уже 3 раза кончал, да опять принимался) и вставлю в раму. Какое разоренье эти рамы, а с другой стороны, без рамы тоже не выставить. Сегодня был Антокольский и взял слово, что завтра я пойду с ним к его двоюродной сестре Елене Павловне, причём добавил, что она особа весьма оригинальная. Теперь я представляю её следующим образом: довольно пожилая, встрёпанная (как художнице подобает), с большой шпилькой в причёске. Движения порывистые. Вся нервная. Интересно будет проверить на деле мои предположения. Она познакомит со Стасовым и др., а это для моего детища-кружка больше чем нужно. Теперь каждый день на улице встречаю академистов, воротившихся к занятиям. Все относятся дружелюбно и радуются встрече. О кружке все говорят с восторгом. Один сравнил меня с Крамским (в отношении кружка) но, ох! далеко! С <...> будем заниматься с завтра. Надо с начала года не запускать, а то будет трудно при экзамене, как прошлую весну.

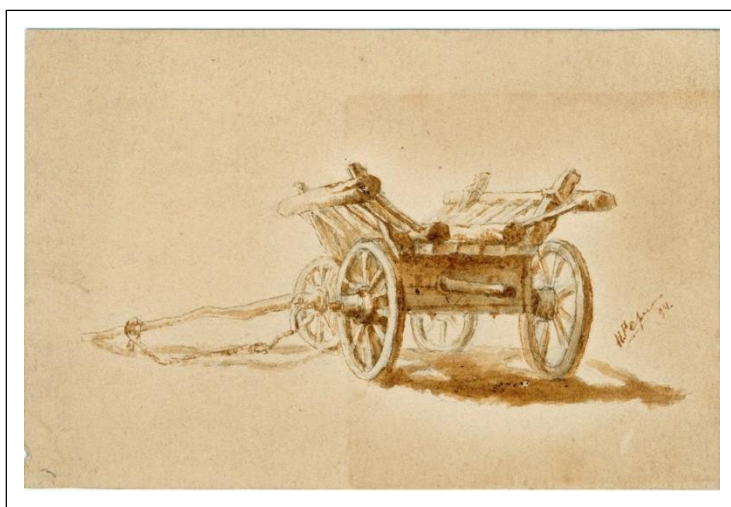
Теперь о профессорах. О них я буду говорить, как истый очевидец, т.е. заглядывая в суть дела, упомяну чисто внешние факты.

Чистяков Павел Петрович. Первое знакомство наше было таково: Ник. Александрович привёл меня к нему со словами: «вот, Рерих, хочет посовето-

ваться с Вами насчёт композиции. Павел Петр. посмотрел эскиз и сказал: «Вы оригинальничать хотите, а сделайте лучше и порутиннее, оно лучше будет». Этим советом он сделал то, что эскиз был брошен. Потом за «Служилого варяга» он, смотря вместе с Иваном Ивановичем сказал: «Очень талантливо, только манера мужицкая – это вы хотите Крамскому и компании подражать, только не советую». Больше он ничего не сказал и Ивану Ивановичу стоило много труда убедить меня продолжать этюды после такого замечания.

Причём Крамской?! Причём мужицкая манера? Бывали отзывы Павла Павловича и такого рода: «хорошо, очень хорошо, мягко как вата»; или: «хорошо, только чемоданисто больно». Более ясных указаний он давать не любил. Помню, на переходном экзамене из фигурного кл. в натурный стоял Аполлон. Пав. Пет. за 22 урока всего подошёл 2 раза в самом начале, а после всё стоял у Щербиновского. На нашу просьбу (учеников, сидевших в плафоне) он сказал, что знает, что делает. На предпоследнем уроке приходит к нам – поправляет. Подходит ко мне и на весь класс приветствует: «да это француз, а не Аполлон, ноги тонки». Это когда всё уже готово. Вот тебе, думаю, и перешёл на натуру! Однако кое-как поправил, да и ошибка была пустая и перешёл. Ещё про Пав. Пет. скажу, что он предлагает себя в безвозмездные преподаватели в новой Академии и рассказывает, что в Академии только 2 учителя и было он да Васильев Михайло. (Кстати, я слышал, будто Михаил Николаевич умер, если так – от души Царство ему небесное). Одно время я, было, думал брать у Пав. Пет. уроки, но он так расхвалил меня и столько раз повторил талант, что мне стало приторно, и я стушевался. Хотя и люблю, чтобы меня хвалили (каюсь, страшно люблю), но всего в меру (сказал негр, когда ему дали 100 ударов). Насколько я люблю похвалу, и насколько она меня подымает, и насколько удручает и огорчает резкое порицание, раз даже аппетит потерял. А всё самолюбие, ох какой кнут, это самолюбие, так и стегает, ни минуты покоя. А всё же лучше иметь его больше меры, чем меньше. При нём можно сделать много такого, чего без него не сделаешь. А Павла Петровича не люблю, больно от него жеребятиной пахнет. Надо обедать, нехай же будет <...>, как говорит Мих. Осипович.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/14, 28 л.

Н.К. Рерих. Телега. 1894.

ОКТАБРЬ

Из дневника Н. Рериха

2 октября 1894 г.

2 Октября. То Мулюкин, то Вас. Ал., то Михайло натурщик, то чёрт в ступе мешали набросить хоть одну строчку. Вчера был у Мулюкина настоящий зверинец – его двоюродные братья, идиоты сущие. Продержал до 12 час., заставил плясать. Это меня-то! Умора! Один субъект Сереб. просил позволения зайти посмотреть Псковича.

Вчера просил руководить мной Зрелякова. По дороге просил его не хвалить меня слишком, а он пришёл и, первым делом, указывая на Псковича сказал: «Очень приятно познакомиться с автором этого произведения, я его видел у Бруни; ваш Пскович весьма ему понравился». А мне Бруни и вида не показал, что ему Пскович очень понравился. Также, оказывается, Николай Александрович помнит моего Святополка, и весьма хвалил Зрелякову. (Всё сие приятно зело). Потом Зреляков в продолжение битого часа напропалую хвалил меня, несмотря на моё предостережение не хвалить. Он говорит «я вижу, у вас нет ни одного простого этюда, вы всякому этюду сообщаете мысль, чтобы этюд, кроме техники, и ещё чем-нибудь, производил впечатление, это уж такое направление таланта, и его надо развивать». *Завтра начну писать этюд с натурщика со Зреляковым.*

Теперь самое главное. Антокольский познакомил меня со своей кузиной. У меня представление о ней было совсем ложное – она весьма ... [две строки зачёркнуто] ... собеседников, так что говорит с большой опаской, и то раз я промахнулся и пришлось покраснеть. Весь вечер мы говорили о художниках. Для меня пролилось много света на Залемана, и я каюсь в моём прежнем худом мнении о нём. Репин, Стасов, Беклемишев - полубоги не сходят с языка. Она хотела знать моё мнение – я лавировал иной раз, и даже искусно, довольно искусно. Несколько раз приходилось говорить о таких вещах, в которых я не сведущ – это такое неприятное положение. А главное в данном случае, надо поступать так, чтобы волки были сыты, и овцы целы. Нет, опять-таки необходим кружок самообразования, уповаю, он выведет из таких подчас скверных положений.

Звала Елена Павловна бывать у ней, но до тех пор, пока я от Леона Моисевича не узнаю её мнение о мне – *не пойду*. Но хотелось бы, чтобы мнение было благоприятное, потому что бывать у ней мне хочется. (В случае дурного мнения поставлю крест).

Был сегодня у Василия Алекс., он был нездоров, теперь поправляется. Там видел Доброписцева. Расспрашивали об Академии. Василий Алекс. звал на вечера свои по Средам, но я ходить не думаю. Да и странно, зачем я туда пойду – там бывает Петрашень, Шпергазе, вся сволочь, и я прекрасно знаю, что чуть не каждый раз мне там промывают косточки; если я пойду – я лишу их возможности говорить вслух и буду сидеть всё время среди разных улыбок и подмигиваний. Так что не стоит тратить время на это, когда его можно провести гораздо приятнее. Кружок и Академия для меня гораздо приятнее. Если я

рыба, то и Академия для меня вода, а товарищи по школе - степь раскалённая. А что будет, если к Рождеству из Академии выгонят. Я даже не смогу представить, что такое будет; должно быть, я с ума сойду. Нет уж, «с ним или на нём» - поставлю девизом.

Будущее Воскресенье непременно надо повидать О. Иоанна, иначе я буду беспокоен, принимаясь за академическую работу. Недавно спорил об о. Иоанне со Скалоном, он говорит, что это суеверие, ан, нет, для меня о. Иоанн просто весьма уважаемый, симпатичный человек, слово которого я ценю.

Сочинил смерть Юлиане Вяземской, Елена Павловна на будущей неделе обещала ответ Стасова о кружке. Сейчас начну сочинять *гетмана Ивана Самойловича в ссылке*. Михаил Осипович пропал, отцу денег не возвращает, и этим меня до некоторой степени ставит в неприятное положение. Пожалуй, мнение Скалона о нём и верно.

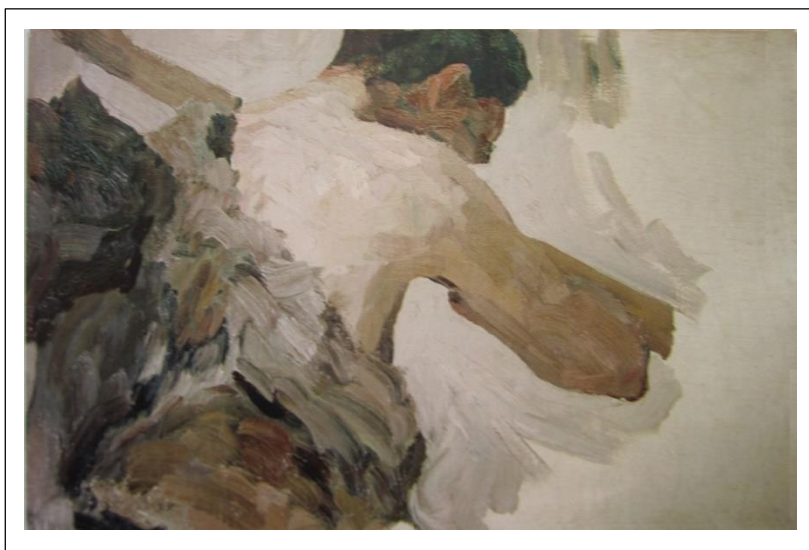
Отдел рукописей ГТГ. ф.44/14

«Завтра начну писать этюд с натурщика со Зреляковым...»

(Из дневника от 2 октября 1894 г.)

Н.К. Рерих. Этюд торса. 1890-е г.

И.К. Репин. Натурщик. Б/д. Этюд.

И.К. Репин. Воин (натурщик в меховой шкуре). 1894.

5 октября 1894 г.

5.X. [94 г.]. Начался экзамен в Академии, экзаменующихся набралось (живописцев) более сотни. Масса академисток. Во вторник хотел пройти в экзаменационный зал, подхожу к двери - стоит Бруни с одной академисткой, она просит позволения посмотреть экзаменующихся, Бруни позволяет ей войти. Тогда я хочу войти за ней, а почтенный Ник. Алек. берёт меня за плечо и останавливает: «нельзя». Я хотел заговорить с ним, а он весьма прозрачно отвернулся и заговорил с другим. Это чёрт знает что такое, чего ему от меня надо? Чего он злится? Аж, говорить не хочет. Товарищи серьёзно предостерегают меня от него, и говорят, как бы он мне к Рождеству свиньи не подпустил.

На экзаменах бывают Репин и другие проф. Говорят, у Репина есть уже знакомые, к которым он нарочито подходит и поправляет, это даже не верится, чтобы Репин и вдруг!..

Вчера был Скалон и Антокольский и мы поклялись выдвинуться или, по меньшей мере, постараться выдвинуться. Скалон сказал, теперь 3 гвоздя вбиты крепко и близко один от другого, что-то из этого выйдет? Вот будут хороши 3 гвоздя, когда меня из Академии выгонят к Рождеству, впрочем, все убеждают меня, что этого не случится, да к тому же и сам принимаю уже меры, чтобы этого не случилось – а именно: начал писать этюд «Варвара» - может ещё и подтянуть.

Теперь у меня всё время занято, а в скором времени предчувствую придётся просить о продолжении суток на 28 часов. Программа дня будет приблизительно такова. Встаю в 9. С 10 до 1 часу этюдный класс.

В 1 ча[с.] до 3 час. Университет.

С 3 до 5 сочинение эскизов.

С 5 до 7 вечерний рисовальный класс.

С 7 до 9 практические занятия в Академии.

С 9 до 12 работа для кружка или Университета.

Вот весь день ушёл, а время для гулянья нету, а доктор велел гулять не менее 3 час. ежедневно. Ну, на гулянье буду отводить Воскресенье, буду на лыжах бегать. Пожалуй, даже на чтение газет времени не останется. Ну что же, чем больше работы, тем лучше ведь мои пословицы *nulla dies sine linea*¹ и *aut bene, aut nihil*², и эти пословицы буду выполнять так чтобы вполне можно бы было бы сказать *feci quod potui faciant meliora potentes*³. Завтра идёт Леон к Елене Павловне. Звал непременно меня, но я, по причине вышеизложенной, (выражаясь канцелярским языком), не пойду, хоть и очень подмывает меня. Там, знаете, наверно, услышишь столько новостей и других любопытных рассказов, как нигде. Любопытно, как она убеждала меня принимать и академисток в члены кружка. Я протестовал. Она убеждала меня, что мой взгляд отсталый, что присутствие женщин облагородит некоторым образом наш кружок. Пришлось ей уступить. Вообще, должен сознаться, что её слова, что она

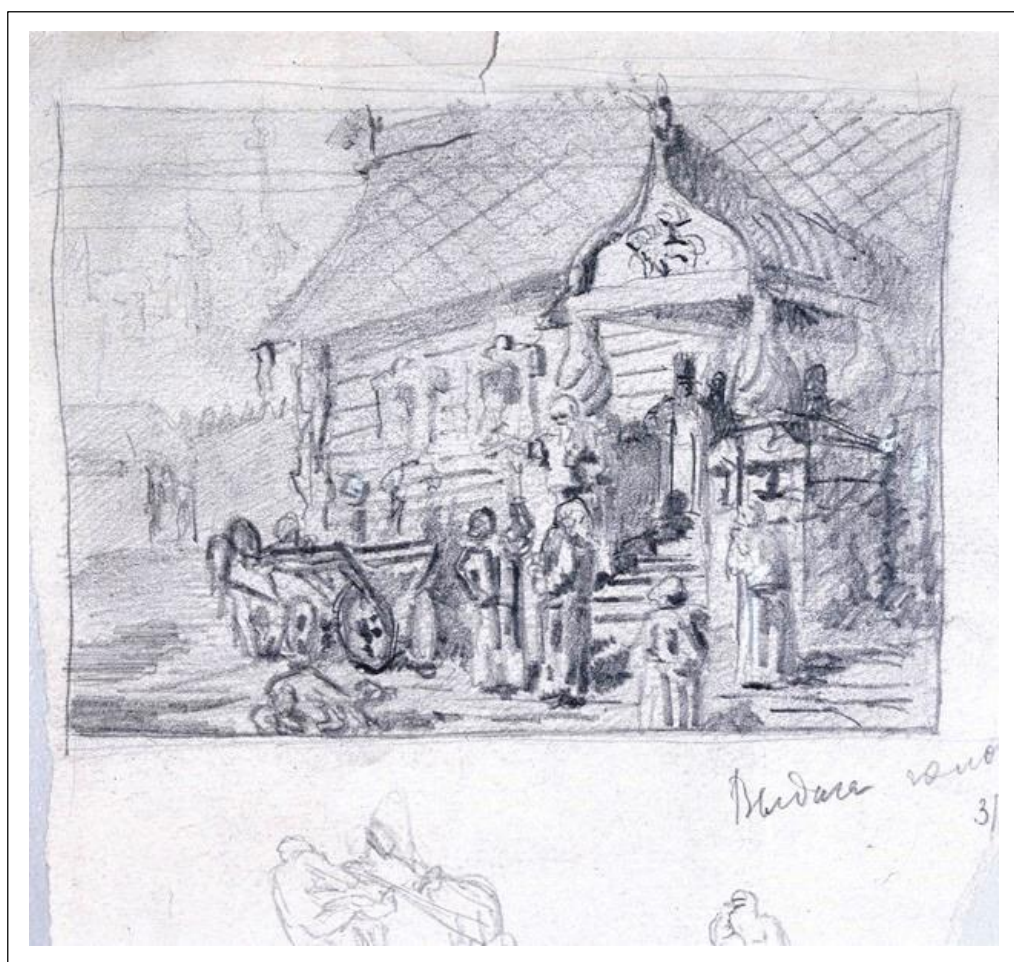
¹ *nulla dies sine linea* (лат.) - ни одного дня без чёрточки. (ред.)

² *aut bene, aut nihil* (лат.) - или хорошо, или ничего. (ред.)

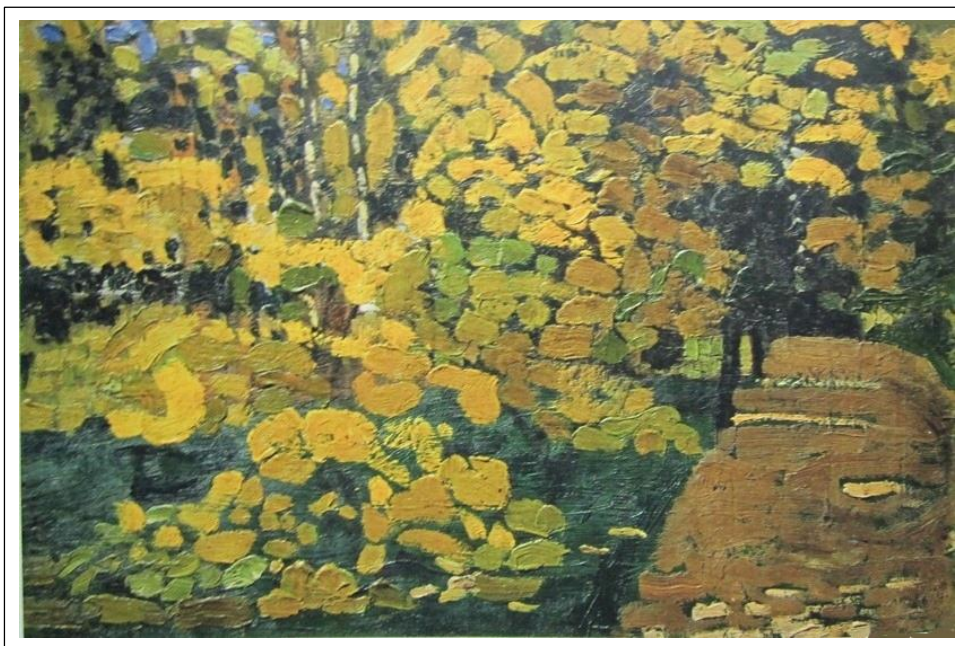
³ *feci quod potui faciant meliora potentes* (лат.) - я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше. (ред.)

приручила Залемана, верны, она действительно может приручить. Кстати, в натурном классе устроено особое женское отделение, где академистки пишут с голой натурщицы. Эта мера мне ужасно нравится, а то совместное рисование часто стесняло и тех и других или же ставило в разные неприятные положения. Припоминается мне, как в прошлом году Филькович уговаривал меня поступить в их мастерскую и, как особенно веский аргумент выставлял, что они пишут натурщицу красивую, и если я захочу можно, и голую. Невольно улыбаюсь, вспоминая его удивление, когда я наотрез отказался от его предложений. Теперь я как-то меньше краснею. Чего мне стоило научиться не краснеть при каждом скоромном слове – ведь глупо, а не мог сдержаться, и краснел, недаром Мирошников называл красной девицей, а другие и теперь ещё бело-снежкой.

Сегодня сочиняю «Выдача головой».

Н.К. Рерих. Выдача головой. 1894.

Н.К. Рерих. Парк осенью. 1890-е.

6 октября 1894 г.

6. Х. Сегодня долго работал, промазал всего варвара, опять по привычке - не при ком не работать - при Алексее Ивановиче дело пошло хуже. Он начал укорять меня, я, было, струсил, и еле-еле оправился от испуга. Но наградой за всё мне было, когда в конце Алексей Иванович сказал: "а ведь не отличить тех мест, где я работал, точно всё один человек писал. Очень, очень хорошо усвоили".

Домашние, увидя мою картину <...>сказали: "уж ты вечно что-нибудь такое возьмёшь, чего на стену повесить нельзя. Точно я для стены делаю! До того привык к товарищам, что один всего вечер сегодня у меня никого нет, а уже скучно. А всё-таки надо завоевать Академию. *Ceterum censeo delendam esse Carthaginem*⁴

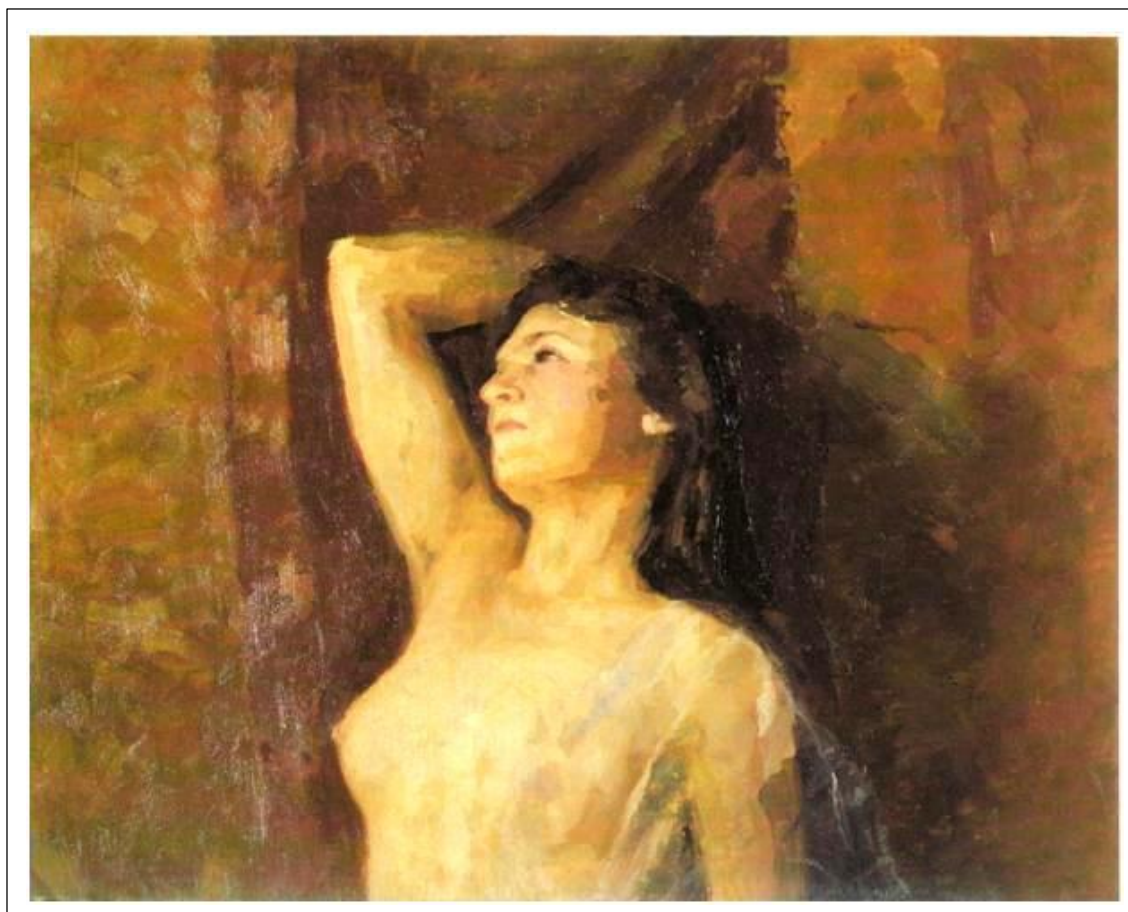
Сегодня думал поговорить по-французски, и вдруг, о, ужас, оказался слаб - забыл много. <... ..miserium!> Скалон каждый раз говорит: "ох, с удовольствием попросил бы я на несколько сеансов, то ту то другую особу". То там продавщицу какую-то, то академистку, то ещё там кого-то. А когда я ему говорю что тут нет ничего трудного, что к особам, которые ему нравятся стоит подойди да... и делай что хочешь - он обижается и говорит: «ты за тех их принимаешь! Это неверно. Нет, милостивый государь, верно, к сожалению, верно. И должно быть, я прав, несмотря на то, что моложе Скалона и неопытней в этих делах.

Недавно мне говорили товарищи: «надо бы тебе хоть влюбиться, что ли, а то ты делаешься жёстким. Что же, может быть, правда, это для меня было бы полезно, только в кого?»

⁴ *Ceterum censeo delendam esse Carthaginem (лат.)* - «Кроме того я утверждаю, что Карфаген должен быть разрушен». (Слова Катона Старшего, цензора 184 г. до н.э. «Говорят, что Катон, - о чём бы ему ни приходилось высказывать свое мнение в сенате, прибавлял: «А кроме того, я полагаю, что Карфаген не должен существовать». *Плутарх, (Марк катон, XXVII.) (Ред.)*

Могу предложить большую награду, т.е. предложить потребовать от меня всё, что угодно тому, кто укажет в кого бы я мог влюбиться, или т. сказать, влюбит меня в себя.

Гоголь недаром сказал “скучно на этом свете господа!” (Я прибавлю [*далее зачёркнуто*]).

Н.К. Рерих. Натурщица. 1894 г.

10 октября 1894 г.

10.X. Вчера Бруни сказал Антокольскому, что граф разрешил наш кружок. Потом я его видал, со мной он по-прежнему ласков, говорил, что ему Алексей Иванович передавал о моём первом успехе в красках. Словом, всё благополучно по-прежнему, т.е., вернее, всё неблагополучие создало не более как моё изображение, должно быть. Хотел сегодня за обедней спросить у графа, когда он позволит побывать у него, но духу, не хватило.

Сегодня с Антокольс[ким] были у В.А. Беклемишева. Вышло невероятно глупо. Я изображал какого-то молчаливого сфинкса и в душе не соглашался, когда он нападал на редакцию устава. Мне кажется, если сделать по его мнению, то не будет совсем никакого стимула и мы, пользуясь полной свободой, или совсем перестанем работать для кружка, или будем относиться страшно

небрежно. Но как бы то ни было - граф разрешил. У меня появилось первое детище – надо воспитать.

11 октября 1894 г.

11. X. вчера был у Ивана Ивановича; Господи, как он изменился. Ко мне вышли какие-то останки прежнего Ивана Ивановича. Голос вял и тих. Но надо было видеть перемену, которая произошла при моём рассказе о моих работах. Даже присел на диване – глаза загорелись, и опять повторил мне всю порцию советов. Потом был у Советова, не застал дома и пошёл к Верещагину. Этот идиот Венич завёл спор с Плотниковым о школах в искусстве. И оба принялись доказывать, что идти направо почему-то лучше, чем налево, и наоборот. Плотников чувствовал себя неловко – ещё бы, в доме художника старой школы он порицал её, и перевозносил новую. Чтобы не попасть в такое же неприятное положение, как Плотников, я всё время молчал и только изредка мимикой казнил Венича, и лишь когда ко мне обратились настойчиво с вопросом о моём мнении, я ограничился лаконическими *suum cuique*⁵, предоставляя слушателям переводить или, верно, каждому своё или, как перевёл один гимназист: “каждому свинья”, по-видимому, никто не подумал о втором значении. Я полагал, что весьма удивлю хозяев своим неожиданным приходом; однако, они, кажется, были весьма рады.

Сегодня начинаю Карла Ивановича и перерабатываю устав. В Университет не пошёл, ведь <пед...> достаточно удовлетворил.

12 октября 1894 г.

12. X. Относительно кружка пойдём к Репину, дадим ему бразды правления со словами «земля наша велика и обильна»... Не знаю, насколько верно, но мне кажется мои коллеги соинициаторы стараются сузить дело, которое мне хочется поставить как можно шире. Сегодня придут А. В. и Л. М., должно быть, будут меня уговаривать относительно кружка. Чем ближе к началу занятий, тем более ощущаю какую-то непозволительную робость – первые работы будут наверно плохи. Даже, говорят, я похудел за эти дни.

Теперь всё обдумываю «Поволжские орлы (Сигнал)». Может выйти хорошо, но нужны натурщики, для этого нужны деньги, а их-то нету.

13. X. [12]. Скалон взял слово, что я буду у них в Пятницу, и он меня кому-то представит. При этом просил меня не ударить лицом в грязь. Не знаю, пойдут ли. Не ударить лицом в грязь, значит держаться всё время начеку. А это я не люблю больше всего. Антокольский говорит: «знаешь, ты совсем не похож на нас, академистов. Они вон теперь, до начала занятий, сидят себе по домам, распивают чаёк, да болтают друг с другом; а ты что-то работаешь, обдумываешь». Эх, это верно он сказал, что я не похож на других академистов, многим не похож; да и на университетских студентов не похож. Ни то, ни сё.

⁵ *suum cuique* (лат.) - каждому своё - (ред).

Помнится:

На що мени худибонька
Буде з мене грошки;
Дадут мени сажень земли
Да чотыри дошки.

И с чего такая песня вспомнилась? Ведь до чотырёх дошек ещё кое-что сделать надо. Ещё далеко до самого дела, теперь только надо начинать подготовку для него – для пролития света, иллюстрацию родной истории.

Почему это, обыкновенно, трактуют нашу историю со стороны грубости и насилия? Разве не скрывалось под этой грубой личиной хотя бы, например, какого-нибудь и «худого мужика вечника» черт весьма симпатичных. Почему нигде в живописи не видно слёз печали или радости на глазах что ли ушкуйника. Впрочем, а и глупое же у меня тогда настроение было, я не то говорю. Пригорюнился, и понёс чепуху. Поневоле вспомнишь из Украины – плачу, а на що бачу.

Это всё равно, как пойдём мы к Илье Ефимовичу и скажем: хочется нам чего-то, да толком не знаем чего. Пожалуйста, узнайте чего нам хочется.

Меня неоднократно уже предупреждали относительно Скалона, что он друг только до поры до времени. Не хочу этому верить! А мне всё доказывают – указывают на то, как смеётся он за глаза над человеком, с которым потом опять весьма ласков и др. Говорят мне, будь с ним осторожен, но ведь aut bene, aut nihil [*или хорошо, или ничего*] (лат.) – ред.]

12 октября 1894 г.

Письмо М.О. Микешина к Рериху Н.К.

Сыночек мой – об Аполлоне Колинька? Что-то Ваша работа милый – отзовитесь! Переделали ли Вашего «Псковича» и удалось ли его кончить так, как я Вам советовал?

Возлюбленному мною Папе Вашему – скажите, что не являюсь к нему с деньгами – потому что ещё не получил их с Гл[авного] Каз[анского] Управления и, лишь получу, то немедленно явлюсь.

Целую Вас, а Вы поцелуйте руки Маме, сестре, а губы – проч. мелюзге.

А. Микешин

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/998, 1 л.

13 октября 1894 г.

13. X. Вчера, оказывается, было не 13, а 12 – уже несколько дней не знал какое число (точно записки сумасшедшего). Сейчас получил письмо Мих. Осиповича. Хотел было сам к нему идти, но раздумал и ответил письмом. Думаю собрать письма за это лето и приложить их к этой тетрадке. Они тоже до некоторой степени будут иллюстрациями прошлого лета.

Вечером: Ничего делать не хочется. Просто будь хоть возможность, немедля бы уехал на охоту. Тихо, спокойно в лесу. Ни перед кем он не рисуется, не рассчитывает какой веткой шевельнуть. Птиц нет никаких. Разве зачиликает снегирь туземец. Теперь вечером там и холодно, и жутко, и просторно, и задумчиво. А поля? А перелески, ольшнякаи по полям? А какой тревоге в душе наделает чёрная точка среди поля – дальний путник... Куда он пробирается? Откуда?.. Ну, словом, просто вспомнилась одна из тех картинок, описания которых наводняют недра моего стола. Если бы тут был Скалон, он наверно бы сказал: опять раскис, дружище, и притом вспомнил бы, как мы сидели вечером на развалинах мельницы и в то время, когда он занялся самым прозаичным делом, я так увлёкся прекрасным вечером, что из задумчивости вывел меня только громкий хохот друга: раскис, раскис повторял он, тыча в меня пальцем. Совершенно верно, должно быть, я был смешон в эту минуту, но, между тем, потом долго вспоминаешь о таких минутах и вспоминаешь с удовольствием.

Ещё не так давно, (года 2), я с завистью смотрел на каждого лесника, егеря – тогда лес для меня заменял всё. Теперь *mutatis mutandis*⁶, я стал немного другой. Это даже можно видеть из моего охотничьего дневника. Прежде, при худой стрельбе, я убивал более 200 птиц в год, а теперь, при несравненно лучшей, всего 80, а то и меньше. Конечно, это можно объяснять и другим, а именно, словами Мих Осип., что: «Колинька бросьте охоту. Художник, а душегубствуете».

Уж трудно сказать, что теперь удерживает меня в городе от охоты, его ли слова, университет, Академия, или кружок. Лучше сказать, всё держит, всё приковывает меня к городу, всё это заглушает, забивает лучшие порывы, а взамен этого чистого удовольствия предлагает радости и довольства нервные, болезненные. Вот пример, чем наградили меня первые шаги в жизни после гимназии – первым делом, нервным сердцебиением – часто теперь мне досаждающим, а разве можно променять несколько лестных, хороших отзывов на массу неприятных минут при сердцебиении. Впрочем, покаюсь, иногда и могу променять, но всё же только иногда, а подобное иногда редко. Эх, чёрт, голова болит.

Из студенческого дневника Н.К. Рериха (13 октября 1898 г.):

«Вечером: Ничего делать не хочется. Просто будь хоть возможность, немедля бы уехал на охоту. Тихо, спокойно в лесу. Ни перед кем он не рисуется, не рассчитывает какой веткой шевельнуть. Птиц нет никаких. Разве зачиликает снегирь туземец. Теперь вечером там и холодно, и жутко, и просторно, и задумчиво. А поля? А перелески, ольшнякаи по полям? А какой тревоге в душе

⁶ *mutatis mutandis* (лат.) - изменив то, что следует изменить. – (Ред.)

наделает чёрная точка средь поля – дальний путник... Куда он пробирается? Откуда?.. Ну, словом, просто вспомнилась одна из тех картинок, описания которых наводняют недра моего стола...»

Н.К. Рерих. Ночь, околица села. [1894].

Листок из архива Н.К. Рериха:

«...просто вспомнилась одна из тех картинок, описания которых наводняют недра моего стола...»

1. Снежная равнина охватила вас, чем-то маленьким, ничтожным чувствуете себя среди этой белой поверхности.

2. Хорош кровавый закат, но ещё лучше нежный мягкий, когда только одна резкая полоска над горизонтом, а остальные всё слабей и слабей тушуются с общим серым цветом неба.

3. Зимний воздух, это не то, что опьяняющий весенний; он свеж замечательно чист даже без всякого аромата сам пробирается в грудь, подкрепляет силы.

4. В городе отворачиваешься от ветра, кутаешься в воротник, ~~не то в а~~ в деревне, напротив, подставляешь щеки навстречу этой свежей струе, будто дотрагивающейся до лица.

5. Равнина с ясными контурами вблизи, но дальше краски не тушуются, смягчаются и, наконец, у горизонта превращаются в чисто белую поверхность.

6. Дорога серой чертой вьётся, извивается по полю, белую равнину иногда пересекает серая черта лыжника.

7. Пригорок, дорога вниз, всё поле окаймлено лесом. В стороне деревня, буграми высятся поросшие орешником курганы.

8. На ухабе встряхнутся, закряхтят санки, иногда к этому, безусловно чистому зимнему воздуху, примешивается запах сена, положенного в ногах.

10. Как могучий богатырь с тёмно-бронзовым загорелым лицом, надменно глядит (на вас), покручивая седой ус, так лес зимой величаво высится перед нами среди поля слегка, (лениво) пошевеливая длинными ветвями елей, покрытых снегом.

11. Как-то завидно становится, ~~перед~~ на всякого пешехода (*мужика*), что остался за вами (*позади вас*) среди поля. Перед вами уже ~~старые~~ серые стенки жёсткого вагона. Вы уже дышите (*и грудь забирает*) спёртым, наполненным табачным дымом воздухом, ~~на стене~~ над вами нависает ~~древе~~ фонарь, ~~дрез~~ безжакетный на стене, а перед нами всё ещё широкая чистая равнина, всё ещё его ласкает, в грудь пробирается чистый воздух, где-нибудь в стороне звенит, весело заливается колокольчик

12. Как приятно слышать в деревне... звон колокольчика или бубенцов, (над *(под)* дугою) совсем не так как в городе.

13. Птиц никаких нет, песен не слышно. Только воробьи и лесные канарейки.

14. Вечером всё синее, только небо ещё розовеет после заката.

15. Иней на кустах все <...> толще, иней – та же листва, <...> совсем не однообразнее, чем летом.

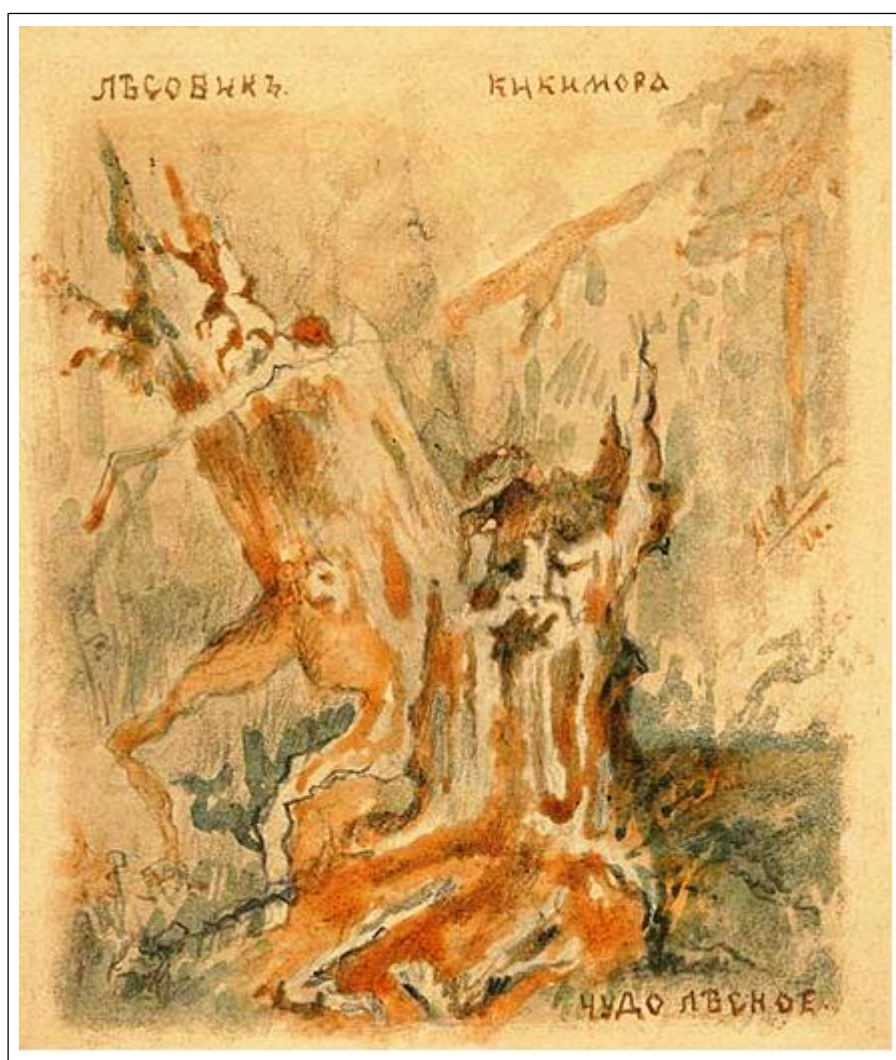
16. Солнце – за лес и бросает ~~от~~ красноватый отблеск на бугорках.

17. Чувствуется какое-то почтение – когда, ну вот, волчий след пересекает дорогу.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/38, лл. 5, 6 об.

15 октября 1894 г.

15. X. Ура! Скалон принят в Академию. Сегодня в залах Акад. был точно целый клуб. Гауш пропёр. Во вторник идём к графу. Сегодня говорил с Бершадским, и в обеих библиотеках о Леонардо да Винчи. Начал набрасывать слово для первого нашего собрания. Со смехом, хотя тут смех и неуместен (юже меру мерите, возмерится вам), вспоминаю сегодняшние экзаменационные этюды. Это чёрт знает что, не понимаю, как это хватает у людей смелости с такими способностями и умением проситься в натурный класс. Вместо натурщика были изображены и выкидыш, и американские жители, и кикиморы, и нечисть, водная и лесная. Вот уже именно и больно и смешно.

Н.К. Рерих. Чудо лесное. 1894.

18 октября 1894 г.

18. X. Канун начала занятий в Академии. Кружок к чёрту! Всё пропало – разбилось. Меня и моих соинициаторов эти свиньи обозвали аристократами. (Что, де, тут аристократы затевают, мы не им чета, мы демократы).

Устав им показался (их разуму) непонятен и страшен. Например, просто боятся слова баллотировка. Сегодня никто со мной к графу не пошёл – испугались. Вчера, оказывается, Леон говорил Скал[ону], что мне с ним (т.е. со мной) делать, как его удержать. От чего, спрашивается, удерживать от доброго начинания с целью научного образования?

Саккетти, в наше посещение его, сказал: «Хотя я и профессор консерватории, но должен признаться, что уровень развития консерваторов стоит так низко, что ничего подобного там немыслимо! А вот весьма приятно слышать, что в среде академистов явилась подобная инициатива». Не радуйтесь, почтенный Ливерий Антонович, и в Академии ничего подобного не мыслимо. Не народ тут, а грубые свиньи и больше ничего! Видите, демократы! Нас заподозрили в каком-то триумвиратстве.

Теперь остались я, Леон, Скалон, Рейнеке, Фролов, Федорович и Донишевский. Будем частным образом достигать нашу цель. Леон во всём этом оказался большим трусом, Скалон, кажется, хочет проводить какую-то свою мысль – и только это колебание моих ближайших сотрудников и заставило меня окончательно плюнуть на всё.

Сегодня с Платоном Васильевичем были у М.О. Микешина. Кружок Шевченки что-то заглох. Попов, сучий сын, страшно подвёл М.О. М[ихаилу] О[сиповичу] заказали памятник в 150 000 руб. и на модель ассигновали <8000> рублей, а Попов предложил сделать модель даром, а памятник в 60 000 р. Экая скотина. Точно последний жид.

Я слышал, что Репин недавно говорил в одном доме, что он будет особенно деятельно искать таланты из низших классов общества, а нарочито из мужичков. Коли с этого начнётся, тогда, пожалуй, и прав будет Буренин, называя его Ефемелей - Лукавым – Мужичонком.

Ещё несколько отзывов слышал о моей какой-то образованности, просто неловко становится, аж краснею по старой привычке, как подумаешь о своём невежестве. После каждого такого отзыва думаешь, как бы это постараться и оправдать его на деле.

А теперь, значит, надо показать этим господам демократам, что и нарицаемые ими аристократы тоже кое-что могут. Благослови, Владыко! Чувствую первые работы будут плохи.

У о. Иоанна так и не был. Совсем нехорошо.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/14, лл. 15,15 об., 16, 16 об.

18 Октября 1894 г.

Из дневника Н. Рериха от 11/X 1894 г.:

***'...перерабатываю устав. В Университет не пошёл...'³⁶ (ф. 44/14)**

**Проект правил кружка академистов Императорской Академии Художеств,
посвящающих себя самоусовершенствованию.⁷**

§ 1. Члены кружка имеют целью изыскивать возможно большего усовершенствования: общеобразовательного и художествен.

§ 2. С целью общеобразовательною происходят учения книг по: философии, естествознанию, истории (священной и всеобщей) искусств, культуры и друг.) психологии, эстетики, археологии, мифологии и др. ~~судонр. законов~~

§ 3. ~~С художествен, же целью в собраниях будут обсуждаться темы для эскизов и рассматриваться самые эскизы с критическим их разбором (при указании источников)~~

Справа на полях написан другой вариант § 3:

§ 3. Художественная цель кружка состоит в усовершенствовании в деле художественных сочинений.

§ 4. Чтение на собраниях происходит совместное, или же, для успешности занятий, между членами распределяются книги и эти члены составляют о прочитанном – рецензии, рефераты, которые потом и прочитываются на собраниях кружка.

§ 5. ~~Председательство на собраниях кружка по каждому отделу принадлежит лицам, выбранном членами кружка и притом, известном на данном поприще~~

Справа на полях написан другой вариант § 5:

§ 5. Председатель кружка избирается членами.

~~§ 6. Председатели, по отделу общего образования, указывают членам книги, которые найдёт полезными и руководят собраниями.~~

~~§ 7. Председат. по отделу художественному обсуждают представленные эскизы, делают общие замечания о композициях (теория и практика) и руководят [прениями собраниями.~~

§ 7. Делопроизводство в случае, если... будет возлагаться на членов, выбранных товарищами.

⁷ Текст проекта написан не рукой Н.К. Рериха (поправки рукой Рериха.)

~~§ 8 §6. Число членов кружка — неограниченно. Члены — гг. Академисты, и академистки и вольнослушающие Академии.~~

~~Примечание: В члены кружка кроме академистов и вольнослушающих И.А.Х. допускаются и частные лица, посвятившие себя художественной деятельности.~~

~~§ 9. Из числа членов выбираются по закрытой баллотировке старшина, секретарь и библиотекарь кружка на один год (академический) **~~

Слева на полях примечание:

~~** Примечание Секретарю, в виду трудности его занятий, предоставляется указать и просить выбрать ему помощника.~~

~~§ 10. В случае отсутствия на собрании председателя по общему отделу с его разрешения занятия на собраниях происходят под руководством старшины.~~

~~§ 11. За отсутствием же председателя по специальному отделу, его мнение замещается постановлением собрания.~~

~~§ 12. Ближайшее делопроизводство возлагается на старшину, кот. во всех случаях является представит, кружка в пределах постановлений собрания.~~

~~§ 13. Секретарь ведёт протоколы собрания, кот. прочитыв. в начале следующ. собрания и подписываются председательствовавшим и секретарём. Кроме того в его ведении находится всё письмоводство как и ведение книги списка с показанием выдан, и обратно получен, книг.~~

~~§ 14. Собрание считается состоявшимся при присутствии председателя, старшины (или одного из них) секретаря и не менее 1/3 всех членов.~~

~~§ 15. На случай отсутствия старшины и секретаря могут временно передать обязанности свои кому либо из членов.~~

~~§ 16 § 8. Взнос с г.г. членов 6 руб. в год (или по 1 руб. в месяц)~~

~~§ 17. Член, отнюдь не желающий повиноваться постанов, собрания, исключается из среды кружка с правом поступления вновь не ранее, как через год и притом с согласия всех членов.~~

~~§ 9 § 18 Новый член принимается в кружок по большинству голосов, за поручительством двух действующих членов.~~

~~§ 19. Само собою разумеется, что члены кружка почтут за честь присутствие на их собраниях г.г. проф в (2) и начальствующих особ Академии (1).~~

~~§ 20. Результаты каждого собрания вносятся в виды протокола в особую книгу секретарём, он же ведёт особый альбом, в который по согласию г. членов могут вноситься фотографии с представленных эскизов.~~

~~§ 21. Всем без исключения членам кружка вменяется в непрременную обязанность] предлагается представить в месяц, по крайней мере по одному эскизу в собрание.~~

~~§ 10. § 22 Члены кружка собираются по воскрес, в назначенный час [между] после 1-15 числа каждого месяца. Один раз в течение всего академ. года (с 10 Окт. по 15 Апр.) происходит чрезвычайное собрание, на котором старшина представляет учёт о занятиях кружка в истекшем году; при этом рассматривается альбом копий с представленных эскизов, затем собрание избирает новых старшину и секретаря и намечает программу кружка на предстоящий год. На этих собраниях допускаются гости, приглашённые членами кружка.~~

~~§ 23. Годичный учёт кружка вместе с альбомом копий (эскизов) представляется Вице-Презид. Академии на его рассмотрение.~~

~~§ 24. На первом собрании кружка после каникул, члены кружка представляют труды свои за истекшее каникул, время.~~

~~§ 11. § 25 На собраниях кружка обсуждаются предметы, исключительно связанные с целью кружка. Обсуждение каких-либо других посторон. предм. безусловно не допускается.~~

§ 26. Какие бы то ни было изменения данных правил кружка могут последовать не иначе, как с согласия 3/4 числа членов. " _____

Подписи

СПбург 94.

Приписка рукой Н. Рериха:

Устав моего злополучного кружка, который гг. членам показался слишком трудным для понимания и восприятия.

Они не могут понять, что устав - это не больше, как мех, в который можно налить как худое, так и хорошее вино. Один даже сказал: «подадим графу на утверждение этот устав, а потом для себя составим другой устав, а этот похерим». Конечно, это путь верный, но только куда?

18/ X. Меня так приятно поразило открытие, что мои коллеги свиньи, что вероятно целую ночь от головной боли спать не буду.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1275.

18 октября 1894 г.

ПРОЕКТ УСТАВА КРУЖКА САМООБРАЗОВАНИЯ И САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

(сокращённый вариант)

§ 1. Члены кружка имеют целью, изыскивать возможно большего самоусовершенствования: общеобразовательного и художественного.

2. С целью общеобразовательной происходят чтения книг по: философии, естествознанию, истории, археологии, психологии, эстетике, этике, мифологии и др.

3. Художественная цель состоит в усовершенствовании в деле художественных сочинений.

4. Чтения на собраниях происходят совместные или же, для успешности занятий, между членами распределяются книги, и эти члены составляют о прочитанном рефераты, которые потом и прочитываются на собрании.

5. Члены избирают председателя кружка.

6. Число членов кружка – неограниченно.

Члены – гг. Академисты, и академистки и вольнослушающие Академии.

7. Делопроизводство, если таковое будет, возлагается на членов выбранных товарищами.

8. Взнос с членов 6 руб. в год. (или по 1 рублю в месяц.)

9. Новый член принимается в кружок по большинству голосов.

10. Члены кружка собираются по воскресеньям в назначенный час после 1 и 15 чисел каждого месяца. (В течение академического учебного года. Октябрь – Апрель. 15-е).

11. На собраниях кружка обсуждаются предметы, исключительно связанные с целью кружка. Обсуждение каких-либо других посторонних предметов безусловно не допускается.

Сокращённая форма устава. Когда и это уже показалось страшным, то я наплевал на всех гг. членов. Ну их ко всем чертям в болото, а не только в болото, а хоть бы, и в озеро Генисаретское. И эти гг. цеховые воображают себя художниками!

Мне кажется, они могут быть протоколистами, копиистами в искусстве, но настоящими художниками – художниками композиторами им не быть.

18/X

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1440, 2 л.

18 октября 1894 г.

СЛОВО ДЛЯ ПЕРВОГО СОБРАНИЯ КРУЖКА

«Сегодня говорил с Берштадским, и в обеих библиотеках о Леонардо да Винчи. Начал набрасывать слово для первого нашего собрания...»

(См. дневник от 15 окт. 1894 г.)

Исполнилось, дорогие коллеги, наше общее заветное желание.

Не со вчерашнего дня, вероятно, каждый из нас мечтал и думал: найти товарищей, соединиться, связать себя с нами общим делом и, устроив подобную дружину, – кружок, – помогать друг другу, облегчать всевозможные трудности так, чтобы невозможное, или, во всяком случае, почти невыполнимое для одного, стало легко достижимым многими, т.е. этому тесно сплотившемуся кружку.

Теперь в чём же, главным образом, ощущается необходимость этой нашей взаимопомощи. Мне кажется, первое место, в данном случае, должно занимать пополнение нашего научного образования, художественного, но художественного только отчасти, так как для этого Академия теперь предоставляет своим ученикам всё, что только возможно. Хотя бы взять: инженер может работать по своей специальности, руководствуясь почти одними специальными по этой отрасли сведениями; доктор, хотя ещё менее инженера, но, всё же, обладая знаниями по одной медицине и, связанным с его науками, может вести своё дело; почти невозможно юристу сделать так на своём поприще, не обладая серьёзным всесторонним образованием, но художнику под этими рубриками, я полагаю, совсем нету места.

Что значит художник, обладающий знаниями одних специальных предметов? Разве может художник взяться хоть за одну свою работу, не запасшись капитальным всесторонним образованием? Художнику приходится быть отчасти то инженером, то юристом, то психиатром, то химиком, то философом, то физиком, ему приходится бывать Буддистом, последователем доктрины Конфуция - да Бог знает чем, не приходится бывать художнику ...

Всё, что хоть отчасти связано, имеет место в жизни, - всё это специальность художника; всякий кто и не думает уличать, напр. доктора, в незнании механики, нисколько не затруднится уличить художника в незнании, там что ли, философии, психологии и всего др.

Художнику отводится без сомнения одно из видных мест в обществе, так что он является до некоторой степени большим кораблём, которому, по половице, принадлежит и большое плаванье.

Теперь нам предстоит оснастка, и притом самая тщательная, нам предстоит вооружение. Чтобы *[несколько слов зачёркнуто]* всякий желающий узнать нас, нашёл бы нас, хотя до некоторой степени, уже вооружёнными, чтобы шторм не разбил бортов. А то результаты бывают плачевные, например, хоть бы последнее крушение на Финском заливе, как говорят, во время шторма, должно быть, пострадали заплаты пластыря. Так что нельзя цельного дерева заменять заплатами! Заплаты выдают и изменяют.

Всякий специалист может сказать на специальность другого, - какое мне дело до неё, - но для художника нет этой отговорки, ему до всего должно быть дело - всё должно найти в нём хотя бы маленькое местечко. И музыкант, и поэт, и архитектор, и скульптор, и медик, и инженер, и защитник Родины был, например, Леонардо да Винчи. Он своею музыкою и стихами очаровывал родной город. ~~Он оказывался чудным морским инженером, он по словам~~ *1a vie et choix de Moeners de L. d. V. pubere par C. P. London* проводит в Милане канал, наконец, перед стенами Милана появляются полки Людовика XII, кто иной, как не Леонардо, первый встречает их с оружием на городских стенах. Кто, как не он, возводит новые укрепления, ставит сложные снаряды, воодушевляет сограждан, жертвует всем для Милана. Но горсть защитников гибнет - в город проникает измена, стены падают под ударами неприятелей. Город пал.

Людовик разгневан ... долгим сопротивлением - горожан ожидает страшное наказание. ~~Победитель вступает в Милан.~~ Король вступает в Миланский дворец... и вдруг навстречу ему выступает лев; проходит несколько шагов, как бы приветствуя победителя, останавливается... Грудь его раскрывается и оттуда сыпятся розы и фиалки, цветы с герба Франции. Правда ли? Король восхищён талантом великого механика, гроза прошла для Милана стороной. Кто же этими гениальными изобретениями отвратил гнев короля от сограждан? Леонардо да Винчи. <G.I. Wagen> в *das Leben und Werke L.d.Vinci* говорит... таким образом, он был таким великолепным строителем морских и

крепостных сооружений. Разные князья Италии обращались к нему с просьбами... .. и что он изобрёл весьма сложные машины и художественные автоматы. Таким образом, Л. да Винчи настолько был сведущ в этих разъединённых областях, что даже не затруднялся, и таким блестящим успехом применять свои познания на практике.

То же и Микель Анжело..

Но мне могут возразить: что возможное в то время невозможно теперь. Тогда для права называться учёным стоило усвоить каких-нибудь 15 000 - 20 000 страниц, а теперь этого количества едва ли достаточно, чтобы называться средне образованным человеком.

Совершенно верно, но все, чем шире будем расширять наш кругозор, тем, до некоторой степени, мы будем ближе достигать нашу цель. Теперь же, повторяю, это наше желание исполняется, благодаря согласию, сочувствию и содействию наших высокочтимых, почётного председателя и председателя, представляется нам возможность собираться в стенах нашей alma mater и попытаться разрешить заданную себе задачу.

Нам остаётся, принеся им глубочайшую нашу за всё благодарность, протянуть друг другу руку помощи, соединиться мыслями и поработать для достижения начертанной себе цели так, чтобы всякий из нас, положи руку на сердце, мог бы сказать *feci quod potui faciant meliora potentes*⁸

Слово, приготовленное для первого собрания кружка, но про которое сказано, что оно слишком высоко — г.г. члены не поймут его. Что же ещё проще? Уж не знаю, что у г.г. членов на плечах, если и это им не понятно.

18/X⁹

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/15, лл.5, 5 об., 6, 6 об.

Н.К. Рерих. Варяги. Крушение варяжского судна. 1894.

⁸ *Feci, quod potui, faciant meliora potentes* (лат.) - я сделал все, что мог; пусть, кто может, сделает лучше. – ред.

⁹ См. Дневник ОР ГТГ, ф. 44/ 14. 18 / X 1894 г. "Сегодня говорил с Берштадским и в обеих библиотеках о Леонардо да Винчи. Начал набрасывать слово для первого нашего собрания." - ред.

19 октября 1894 г.

19. X. Начало занятий. № 17. Сегодня сижу и зарисовываю в альбомчик этюды и слышу за собой: «Ишь, заядлый художник, аж руки дрожат!» А меня действительно, какая-то дрожь пробирала. Придя домой, невольно пришло на ум, что Академия, до некоторой степени, даже вредна. Вот хоть бы теперь, до того увлекаешься сочным тоном, каким красивым, сильным рисунком, что всё остальное и самое главное в искусстве не только отодвигается на второй план, но даже совсем исчезает. Следствием же этого является, что художник может пропасть, или с должности художника (в искусстве) перейти на место протоколита, т.е. заносить только то, что он видит. А ведь корреспондентом может быть и не литератор. С другой же стороны, если во время письма этюда памятовать, что есть и ещё кое-что кроме интересного тона, то пострадает сам тон в отношении техники. Другое дело, работа дома или наедине. Тут никто не мешает, не смотрит. Я, например, не могу работать, когда знаю, что мне под руку смотрят. Этюдных классов 3, но в классе, кажется, больше 30 номеров, а по уставу полагается не более 30. Странно, что профессора не приняли во внимание, что с некоторых мест совсем нельзя писать. Бедному Леону попалось такое место, натурщик почти на фоне окна – ну ничего не разобрать – вероятно, переменит место.

Сегодня человек 20 спрашивало меня насчёт кружка, и почти сочувственно, а не сочувствуют и мутят друзья Скалона, так что я начинаю подозревать, не подаёт ли он им первый пример в этом деле, а может быть, из-за того – зачем инициатива принадлежит не ему. Что-то уж слишком горячо он теперь восстал против кружка – должно быть, и Леона с толку сбил он же. Ещё они собираются чуть не каждый вечер, а мне, конечно, времени нет. *Ceterum senseo* [Я утверждаю (лат.) - (Ред.)], что там Скалон ни говорил, а Мих. Осип. относится ко мне очень хорошо. Примером может служить его память о моём Псковиче. “Если бы по прежнему уставу, наверно за него медальку схватили бы”, - сказал он вчера. Последние дни нет-нет, да и заболит голова, да так тупо, зловеще, хотя и не очень сильно, и шум в ушах бывает. Не знаю, что сей <...> значит. Только бы ничего серьёзного – мне болеть нельзя, времени нет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/14.

20 октября 1894 г.

20. X. Вечерний рисунок начат хорошо, все ходят и смотрят. Этюд начат прямо-таки худо и обращает внимание только красным мелом.

Леон, по обыкновению, набрасывает легко и изящно. – Скалон, тоже по обыкновению, грубо режет правду матку (но иной раз и привирает). В класс заходили В. Маковский и Куинджи. Куинджи по виду суцая свинья в ярмолке, ближе его не знаю.

Маковский своей энергичной физиономией с виду мне весьма понравился, но его замечания, (на которые, кстати, промолчал сосед Петрусевиц «темна вода во облацех»), по своей общности и ничего несказанности, не понравилась, а одно так просто-напросто грешило против природы.

После этюдного я со Скалоном пошёл в Университет, где походили около часу по коридору, за что и получили крестики у педеля. Кабы было время, с

удовольствием занялся бы я одним историко-юридическим исследованием «О быте и положении первых русских художников, как приезжих, так и местных». Впрочем, совсем не исследованный. Но...

Сегодня после этюда вернулся до того разбитый и усталый, что ни за что не мог приняться. Вероятно, вместо 3 часов буду писать 2 часа, а то устаю и на третий час порчу то, что сделал в начале. Теперь приходится серьезно заниматься более 12 часов в сутки, а я замечал, что более 9 часов серьезной работы мне не под силу – надо сократить что-нибудь, не то...

Фёдоров подходит и спрашивает, отчего я так волнуюсь во время работы, даже, мол, со стороны заметно. Вот, кабы он мог мне объяснить, отчего я так волнуюсь, так я бы ему весьма благодарен даже был бы.

**Записка Ливерия Антоновича Саккетти к Рериху Н.К.
22 октября 1894.**

Многоуважаемый Николай Константинович!

Очень хотелось бы с Вами повидаться. Не зайдёте ли завтра (23 окт. воскресенье) ко мне: я с 4 до 6 пополудни буду дома.

Ваш Л. Саккетти.

Отдел рукописей ГТГ ф.44/1273 1л.

23 октября 1894 г.

23. Х. Кружок воскресает. Сегодня был у Саккетти. Впрочем, поздно, лучше завтра. Сейчас ушёл Леон, кажется, мы вполне узнали друг друга и будем всегда друзьями.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/14.

24 октября 1894 г.

Письмо Л. Саккетти к Рериху Н.К.
(относительно Кружка самообразования)

24-ое октября 1894 г.

Многоуважаемый Николай Константинович!

Я был сегодня в Публичной библиотеке и пересмотрел “Артист”. Вот статьи, которые, может быть, были бы интересны для проектируемого Вами Общества:

1. Письма по вопросам искусства, Киселёв, 1893 г. март, апрель, октябрь, ноябрь, декабрь.
2. Французская живопись, Киселёв, 1891, ноябрь, декабрь.
3. Антокольский. 1893, апрель.
4. Репин. 1893. Январь, февраль.
5. Современное русское искусство живописи <Реста>, 1890. Сентябрь.

6. Об искусстве Гольцева. 1891. Январь, апрель.
 7. Мимики, физиономики, Пидерита, 1891, февраль.
 8. Галерея русских художников. Киселёв, 1892, февраль.
 9. Галерея иностранных художников, 1892, март.
 10. Гагарин, Чешигин. 1892. Октябрь, ноябрь, декабрь.
- О Гагарине есть интересная книга Лихтенберга.

Жду Вас в воскресенье

Ваш Л. Саккетти

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1272, 1 л.

***Из дневника Н.К. Рериха:
24 октября 1894 г.***

24. Х. Я обещал Лив[ерию] Ант[оновичу], что дела с кружком не брошу, но что, в виду общего мнения (аристократ! затесался студент в Академию и пошёл крутить!), не могу являться инициатором. Так что, если найдётся инициатор, то я первый буду работать под его стягом. Лив. Ант. обещал познакомить с неким Симанским. Будущее Воскресенье я, Леон, Рейнеке и Симанский будем у него. Лив. Ант. тут же набросал список книг; для начала занятий.

Сегодня Скалон предупреждал меня относительно Леона, что он больше талантливый аферист, нежели художник, и советовал близко не сходитья с ним, чтобы не подпасть его влиянию, «а то, - убеждал он, - мне будет весьма больно, если ты из художника сделаешься аферистом». Я теперь, до некоторой степени, меж двух огней. И Леон, и Алекс. – оба, отчасти, предупреждают меня один против другого. Но всё же эти две дружбы настолько различны, что я их и сравнивать не могу. С Леоном дружба в мирное время, а с Алекс. началась наша дружба во время классной передряги, и, когда все от него отступились и решили не подавать руки, я первый перешёл на его сторону и протянул руку.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/14.

Н.К. Рерих. Извара, 1890-е гг.